

Рассвет упорно пытался зацепиться за крыши домов, но облака отбрасывали его лучи вверх, не давая им опуститься ниже и осветить мансардные окна самого лазурного города Франции. Как будто облакам вчера отвалили жирные чаевые, чтобы они позволили выспаться после загула гостям и жителям Ниццы. Самые богатые люди со всего мира приезжают сюда, где на улицах города каждый вечер происходит показ самых последних марок дорогих автомобилей и не менее дорогих платьев. Сегодня, в День взятия Бастилии, выспаться утром просто необходимо — главный праздник Франции требует безукоризненного внешнего вида. Город уже позаботился об этом, он ещё вчера был украшен французскими флагами, развешенными на каждом углу.

Пока рассвет безуспешно боролся с облаками, на одной из улиц района Аббатуар смуглый, крепко сложенный мужчина в изрядно поношенном джинсовом костюме возился с тросом, которым к перилам крыльца был припаркован велосипед. Какой-нибудь ранний или, наоборот, слишком припозднившийся прохожий мог бы принять его за воришку: мужчина никак не мог попасть ключом в скважину замка, его руки тряслись, он как будто сильно волновался. Мужчина был средних лет, но седина уже пробивалась сквозь чёрную плотную шапку волос. С юности обожжённое солнцем лицо с грубоватыми правильными восточными чертами было покрыто недельной щетиной.

— Проклятая Ницца, проклятая Франция, — процедил он.

Анис, так звали мужчину, уже вспотел, как будто тягал пудовую гирию, а выражение лица было настолько злым, что казалось, будто он снимает не трос с велосипеда, а ошейник с собаки, которую хочет спустить на врага. Но вокруг никого не было. Редкие машины, проезжавшие мимо, в основном пикапы, развозили к завтраку продукты и свежую выпечку по ресторанам. У Аниса внутри всё непроизвольно сжималось, и тошнота подступала к горлу раньше, чем нос успевал уловить аромат печёного. Вчерашняя смесь дешёвого вина и местной настойки стояла колом у него в горле, а резкий запах дешёвой женской косметики не смылся

даже под холодным утренним душем. Анис снова воспользовался службой знакомств, хотя уже несколько раз клялся себе завязать с этим делом. Дамы, которые приходили на свидание, весьма отдалённо напоминали выложенные в Интернете фотографии. Ему вспомнился вчерашний бигмак в «Макдональдсе», столь же отдалённо похожий на свою аппетитную рекламу на фасаде ресторана.

Замок всё никак не поддавался. Превозмогая тошноту, Анис сосредоточился на руках. Злость ядовито шипела внутри. Её хватило бы, чтобы отравить небольшой город. Ему вспомнилось, как в юности он пытался угнать мотороллер со склада спортивного магазина, но тогда трос оказался настолько толстым, что он не мог перекусить его кусачками. Анис сумел оставить на металле только пару зазубрин, но прибежал охранник с собакой и схватил его. Громкое разбирательство в школе и поход с отцом к местному мулле не вразумили Аниса. «Ты не можешь мне купить мопед. Аллаха нет. Всё устроено нечестно!» — кричал он на отца.

Воспоминание ещё больше разозлило Аниса, он ругался на свою вчерашнюю слабость, на свою мать, которая родила его невезучим, он злился на этот город, который может себе позволить спать до обеда, на президента Франции, который игнорирует права эмигрантов... Ключ неожиданно повернулся, и трос резко раскрылся, больно ударив Аниса замком по руке. Небольшая, но глубокая ранка моментально заполнилась кровью.

— Дьявол! — чертыхнулся Анис.

Ему предстояло добираться на велосипеде практически через весь город до места парковки грузовика, на котором он развозил мороженое по сети ларьков местного предпринимателя Этьена. В этом сладком грузе тоже была некая насмешка судьбы: каждое утро с горького похмелья доставлять сладкое лакомство тем, у кого и так было всего с лихвой. Аниса передёргивало, когда он видел детей, улетающих мороженое. В детстве он лакомился только по большим праздникам, а яркие фотографии «Nestle» с плакатов на фасаде супермаркета тянули к себе каждый день, когда он шёл мимо них в школу. Вчера вечером, прогуливаясь вдоль фонтанов по площади Массена, он не выдержал и украдкой толкнул в спину конопатого пятилетнего мальчишку, смачно поедающего

эскимо. Тот споткнулся и припечатал мороженое к яркой шифоновой юбке своей матери. Получив от неё подзатыльник, малыш обиженно разревелся. . .

Четыре года назад Анис, оставив дома в Тунисе жену с тремя детьми, подался на заработки во Францию. Он забрал с собой десять тысяч евро, которые были накоплены семьёй за десять лет, с твёрдым желанием их удесатерить. Анис по телефону, выслушав всё, что о нём думает жена, обещал ей, что когда-нибудь покатает её на кабриолете по Лазурному побережью и они обязательно отведут омаров в лучших ресторанах Монако. Анис мечтал о ночных клубах, спортивных аренах, больших кинотеатрах. . . Впервые приехав в Париж, он почувствовал, что сказка воплощается в действительность и он словно скользит от ночи к ночи, упиваясь столичной жизнью. Ничего похожего в его по-мусульмански аскетичном городе Мсакен не было.

В Тунисе при внешней религиозности уже царил светская мораль: хочешь—молись, хочешь—нет. Мечеть находилась далеко от дома Аниса, и он уже в старших классах позволял себе пропустить утренний намаз и поспать пару лишних часов. Отец работал на виноградниках и уходил на работу рано. — Сын, через час подымайся и иди в мечеть, воистину намаз отстраняет от мерзости и явного греха,—цитировал он суру из Корана, собираясь в поле.

— Хорошо, отец,—отвечал Анис и спал дальше, порой просыпая и первый урок.

— Ты не мусульманин, опять пропустил намаз, тебя накажет Аллах,—кричала мать, поднимая его в школу.

— У нас из класса почти никто не совершает фаджр. Книг Анис не читал, зато буквально глотал американские фильмы.

«Когда-нибудь я буду жить в стеклянном небоскрёбе, на сотом этаже, и забуду этот убогий одноэтажный город с его Рамаданом и никому не нужными правилами Корана»,—мечтал он.

Почему, спрашивал себя Анис, где-то там ходят в рок-клубы, а здесь обречены на пение муэдзина? Он завёл дружбу с местными байкерами, но отец не мог купить ему мотоцикл, и Анису приходилось завистливо вздыхать при виде стальных машин.

Во Франции Анис надеялся получить всё и сразу. В Париже он работал водителем такси, сутенёром, потом был боевиком в одной полукриминальной структуре, но, получив год условно, завязал с этим. В веренице событий Анис получил извещение о разводе и понял, что остался один. Отец учил его, что мужчина в семье—опора.

— Слушай лозу, она расскажет тебе о том, что без корней засохнешь, семья—это основа,—говаривал он, приводя сына на виноградники, где в сезон приходилось работать по двенадцать часов в сутки.

Но Анису всегда казалось, что он упускает что-то большее. Узнав о разводе, он ощутил облегчение. А с другой стороны, какой теперь смысл пыжиться изо всех сил?

«Особняк, „мерседес“—для кого теперь это всё?»—вспоминал свои мечты Анис. Возвращаться ему было некуда.

— Ну её к шайтану. Женщина—порождение ада. Не поймёшь, что у неё на уме. Говорит мне: «Ты глава семьи. Ты наш защитник. Слушайся муллу, он плохого не скажет». И тут же: «Что ты мне свою мать в пример ставишь? Сейчас не прошлый век». Отец зарабатывал мало, и то мать боялась глаза на него поднять. А моя: «Не нравится—уходи». Знает, что имущество ей отойдёт. Новые правила развода, брачные контракты—это всё объедки со стола Франции,—рассказывал Анис своим поделникам.

С каждым годом желание срубить куш постепенно растворялось в череде неудач и развлечений. Сказка превратилась сначала из цветной в чёрно-белую, а затем стала просто фотографией какой-то китайской деревни: в бедном районе Гобелен в Париже, где он жил, все вывески были написаны иероглифами, и французский язык здесь не слышали уже давно. После того, как у него обчистили квартиру, с остатками денег и небольшой дорожной сумкой Анис добрался до Ниццы.

Переночевав в хостеле, он решил прогуляться по городу, пытаясь найти место, где ему может улыбнуться удача. Выйдя на набережную, Анис почувствовал жажду, но прошёл мимо множества открытых ресторанчиков и присел выпить кофе только возле отеля «Негреско». Ему хотелось хоть как-то прикоснуться к роскоши, подышать одним воздухом с людьми, сидящими здесь. Они приезжали и уезжали на дорогих авто, которые стартовали со звериным визгом и рыком. Это было круто. Анис захотелось стать владельцем такого автомобиля. Он развалился в плетёном кресле и представил, как его новый шёлковый костюм будет холодить разгорячённое тело в открытом кабриолете. . .

— Что будете заказывать?—вопрос официанта прозвучал словно из ниоткуда.

Анис вернулся к действительности и растегнул душную джинсовую куртку.

— Кофе, будь любезен,—растерянно попросил он.

Чуть позже, когда официант, по виду тунисец, застилал стол салфеткой, Анис вкрадчиво спросил: — Земляк, где бы можно подработать?

— Гражданство есть?—вопросом на вопрос ответил официант.

— Да я коренной француз,—обиделся Анис, показывая французский паспорт.

— Тут в порту стропальщиками такие коренные работают. Сам два года отпахал, пока не нашёл это место. Правда, оно тоже сезонное, и я вместе

с птицами лечу каждую осень обратно в Африку. Но если ты хочешь что полегче и есть права и деньги, то можешь взять грузовик в аренду и развозить мороженое. Есть в городе одна компания, там директором Этьен, она поставляет мороженое в два десятка ресторанов. Одна машина вполне справится, если начинать затемно. Местная компания, где он нанимал водителей, сейчас бастует, поэтому Этьен может заплатить и двойную цену. В это время он обычно в офисе.

«Может, повезёт», — подумал Анис, а вслух спросил:

— Какое сегодня число?

— Десятое июля. Скоро День взятия Бастилии, большой местный праздник, — сказал официант, нахмурившись. — Сплошная суета. Кстати, у нас тоже праздник — неделю назад наконец-то открылась мечеть, приходи в пятницу на вечернюю молитву. — Я не верю в Аллаха, — с вызовом ответил Анис. — Так не должно быть. Ты родился правоверным, — бросил официант и ушёл на кухню.

Рёв автомобиля заставил Аниса обернуться. Из припаркованного спортивного авто вышла девушка в обтягивающих джинсах и незаметном топике, на её голове была широкополая соломенная шляпа необычной формы. Шляпа была похожа на морскую раковину, из которой выглядывал и сам моллюск: лицо девушки было абсолютно бледным, а взгляд — холодным.

«Или финка, или шведка», — подумал Анис.

Когда она проходила мимо, верх её шляпы зацепился за спицу зонта, под которым сидел Анис. По инерции девушка сделала ещё несколько шагов, а шляпа так и осталась висеть на краю.

«Шанс», — решил Анис. Он встал, снял головной убор и протянул его девушке. Но та бросила на него уничтожающий взгляд и, поглумившись, пошла к угловому столику. Анис разочарованно ушёл в кресло, стараясь не смотреть в её сторону.

«Пришла одна, и уйдёт одна», — он бросил ещё один взгляд на её двухместный спорткар, в котором пассажирское сиденье было завалено коробками с одеждой.

Жалобный скрип стула отвлёк внимание Аниса. Из-за соседнего столика поднялся молодой рыхлый итальянец. Он бросил на стол две купюры по двадцать евро и пошёл к выходу, не отрывая взгляда от экрана смартфона.

Итальянец выглядел нелепо в дорогом, но сильно измятом белом шелковом костюме и отельных шлёпанцах на босу ногу. Завершал картину жёлтый шарф, небрежно повязанный на шее, — Анис невольно вспомнил селезня, которого держали в декоративном прудике китайского ресторана в Париже. Анис всё ждал, когда же его приготовят для какого-нибудь любителя утятин.

Проходя мимо, итальянец запнулся и, чтобы не упасть, схватился свободной рукой за ближайший

к нему стол. Недопитая чашка кофе, сосклизнувшая блюда, опрокинулась на колено Аниса. Он подхватил её и, поставив на место, привстал и расправил плечи, но итальянец, не отрываясь от экрана, пробормотал: «Сорри», — и бросил на стол пятьдесят евро. Анис мельком успел разглядеть на смартфоне фото морской рыбалки на акул. «Он думает, им всё можно».

Место для скандала было неподходящим.

«Это он здесь селезень, а хотелось бы послушать, как он будет кричать уткой, если его зажать где-нибудь в проулке».

Анис забрал брошенную купюру и прихватил чаевые, которые итальянец оставил на своём столе. Пора идти искать офис торговой фирмы.

Он быстро договорился с Этьеном, невысоким худощавым французом. У того была практически безвыходная ситуация: рестораны искали других, более шустрых поставщиков. Этьен предложил подписать партнёрский контракт.

Несмотря на природную худобу — кости выпирали на плечах из-под рубашки, — он пытался произвести впечатление серьёзного бизнесмена. Все атрибуты — просторный кабинет, большой дубовый покрытый кожей стол — говорили об этом. Внимание Аниса привлекли крупные золотые, инкрустированные камнями, часы на руке Этьена: они сползли по запястью, когда тот ставил свою подпись. Этьен быстрым движением поднял часы на место. Анис подумал, что было бы неплохо со временем сесть в этот кабинет вместо Этьена и обзавестись такими же часами. Но что-то его смущало: может, излишнее радушие, может, странная суетливость хозяина.

— Тунис и Франция были столько лет вместе, мы должны помогать друг другу. Предлагаю обмыть сделку. Гренаш — моё любимое тунисское вино.

— Отлично, — ответил Анис.

Подписывая контракт, Анис заволновался. Чтобы успокоиться, он начал вращать ручку между пальцами, как любил делать его поделщик в Париже. Этьен откупорил бутылку и начал разливать вино по бокалам, но, заглядевшись на ловкие движения Аниса, отвлёкся, и вино забрызгало джинсы новоявленного партнёра.

— Оу, — выдохнул Анис.

— Извини, в квартале отсюда есть химчистка, там отстирают и вино, и кровь, — сочувственно заметил Этьен, указывая на тёмное пятно.

— Это не кровь, это кофе, — Анис повернулся, скрывая ногу под столом.

Этьен достал из сумочки толстый кожаный бумажник, замявшись, вынул пятьдесят евро и положил их на стол перед Анисом.

«Отец неделю работал на виноградниках, чтобы получить такие деньги, — подумал Анис. — А вдруг это вино из того самого винограда?» Он украдкой бросил взгляд на бутылку — вино было закупорено

через два года после смерти отца. Но внутри колыхалось странное эхо: «Мы на побегушках у европейцев, мы на побегушках, это неправильно».

После встречи с Этьеном Анис поехал в прокатную фирму на холмах за городом и взял в аренду среднетоннажный рефрижератор марки «Рено». Он заплатил две тысячи евро залога и четыреста в виде оплаты аренды за три дня. Ему предлагали пикап, но он посчитал, что сможет, кроме мороженого, возить что-нибудь ещё. Анис хотел почувствовать себя хозяином дороги, вожаком стаи, за которым бегут легковушки, мотоциклы, пикапы... Хотел посмотреть, как расступятся все они, когда он выедет на дорогу. Он жаждал новых впечатлений. Его уже не так пугало, что в кармане осталось несколько сотен евро.

«Может, ещё и покатаю на кабриолете не жену, так детей,— думал Анис, выходя из офиса прокатной фирмы и нащупывая в кармане остатки денег.— А может, и не получится»,— мысль царапнула и пропала в потоке приятных предчувствий.

Когда он подходил к городу, солнце точным броском опустилось в единственное облачко на горизонте, как бильярдный шар в лузу, и, подсветив его, ещё долго выглядывало из-за горизонта, словно луза была переполненной.

«Эту партию я должен выиграть»,— подумал Анис и отправился искать жильё.

В сравнительно недорогом местечке Аббатуар он нашёл то, что было нужно. Зайдя в комнату и бросив сумку на кровать, Анис первым делом достал ноутбук, вошёл в Интернет и погрузился в местные сайты знакомств. Он верил, что сегодня его день и он в приятном обществе прогуляется по Английской набережной...

Три дня пролетели в суете. Было очень жарко, и Ницца огромными порциями поглощала мороженое. Рефрижератор Аниса, как большая ложка, сновал от базы к ресторанам, без усталости убаюкивая город.

Наступило утро долгожданного праздника. Особо настойчивые лучи пробились сквозь облачный занавес, проникли под тёмные гостиничные портьеры и потревожили нежащихся в постелях гостей города. Город начал готовиться к вечернему действу: флагами и шарами украшали набережную, устанавливали VIP-зону и полицейские ограждения, расставляли пиротехнику, залпы которой должны были напомнить о давно прошедших событиях.

Разделавшись с парковочной цепью, Анис устало крутил педали. Даже раннее облачное утро не остужало внутреннего жара. Каждый оборот педалей отдавался болью в голове; если бы не похмелье, организм бы уже привык к нагрузке. Пот ручьём лил по лицу и спине. Анис с завистью

подумал о мажорах, которые приезжают за своими грузовиками на такси. А бросив взгляд на облачное небо, позлорадствовал: «Никто, кроме небожителей, ваш салют и не увидит».

Обливаясь потом, он вспомнил свои мечты о том, как будет хозяйничать на дорогах. Работа на грузовике была тяжёлой— приходилось помогать на разгрузке. Вставая перед рестораном, грузовик обычно перегораживал улицу, и автомобилисты, которые не могли объехать большегруз, с удовольствием жали на клаксоны. Так нелепо твякают на сенбернара болонки. Это даже забавляло Аниса, но управляющий одного из ресторанов пожаловался Этьену.

Когда выдавалась свободная минутка и Анис мог спокойно посидеть в кабине грузовика, он с завистью выглядывал посетителей в дорогих костюмах, входящих в ресторан с парадного входа. Их взгляд обычно не останавливается на грузчиках и водителях. Они не замечают их, как не замечают мелких грызунов крупные хищники, высматривающие только крупную дичь: дорогие машины, ярких женщин... Анис пытался отрепетировать подобный взгляд перед зеркалом, но у него вышло комично и жалко.

«Они, наверно, и этот взгляд получили вместе с наследством»,— Анис вспомнил Этьена. Ему не хотелось верить, что тот достиг всего сам. Хотя хватка современного бизнесмена проявлялась в Этьене отчётливо: в первый день он не заплатил под предлогом, что заболел бухгалтер, во второй сказал, что готовится к празднику и пришлось все деньги вложить в оптовую партию мороженого.

«Я должен сегодня забрать свои деньги»,— пульсировало в голове у Аниса. Ему было необходимо сегодня вернуть машину в агентство или внести ещё четыреста евро, а денег осталось только на мороженое. Внимание Аниса привлекла ярко освещённая витрина ювелирного магазина. Он притормозил, его взгляд пробежал по ценникам и остановился на одном, с четырьмя нулями. Анис присвистнул: «Ломик бы сейчас...»

Нет, сидеть он не хотел. Заметив, что самым дорогим на витрине было обручальное кольцо с крупным бриллиантом, Анис непрозвольно посмотрел на свою правую руку, где ещё не так давно блестели его обручальное кольцо на безымянном и родовое на среднем. Первое он подарил в прошлом году уже забытой девушке по вызову. След от него уже сравнялся с общим загаром. Родовое кольцо, переданное отцом от деда, было бездарно проиграно в напёрстки на Монмартре таким же коренным французам, как и он. Попытка забрать кольцо назад стоила ему разбитого носа.

Анис на скорости приблизился к перекрёстку и, не слезая с велосипеда, поехал по пешеходному переходу. Сигнал клаксона застал его врасплох. Велосипед вильнул вбок и врезался в парапет.

Анис, перелетев через раму, упал на тротуар. Оглянувшись, он увидел за рулём грузовика крепкого араба, бледного от неожиданности. «Как у себя дома», — сплюнул Анис и вытер кровь с локтя.

Когда Анис приехал на парковку, тучи уже расступились и пятились к горизонту, уступая пространство празднику. Анис, загрузив машину мороженым, поехал развезти лакомство по точкам Этьена. Когда в холодильнике осталась только пара контейнеров с подтаявшим мороженым, Анис, оставив грузовик на парковке, отправился в офис за зарплатой. Он чувствовал, что Этьен так просто не расстанется с деньгами, и эта мысль заставляла его остережено крутить педали.

Этьен спокойно стоял у зеркала, разглаживая полы своего дорогого хлопкового пиджака в крупную коричневую клетку. Пиджак был несколько великоват для него. Заметив Аниса, Этьен ещё раз провёл рукой по лацкану.

— Садись, — неожиданно резко бросил он.

Анис растерянно плюхнулся в кресло и больно задел разбитым локтем о край стола.

— Я больше не нуждаюсь в твоих услугах. Забастовка закончилась. Не вижу необходимости платить тебе больше, чем другим. Вот ещё что: мне позвонили из нескольких точек — мороженого было подтаявшим. Это я тоже вычту. Ты же не хочешь, чтобы я проинспектировал остальные точки?.. Мой юрист всё подготовил, — отрезал Этьен.

Боль не позволяла Анису сосредоточиться. Но при слове «юрист» у него внутри всё оборвалось: как ловко Этьен из обвинителя превратил его в обвиняемого.

Он забрал деньги, не пересчитывая, посмотрел на Этьена с обречённой ненавистью и вышел. Забыв про велосипед, стоящий у входа, он пошёл пешком. Невыносимая обида подступила к его горлу и встала поперёк, мешая дышать.

Пройдя квартал, Анис зашёл в неприметное кафе, спрятавшееся за яблонями. В нём не было никого в это время — время сестры. Сел за первый попавшийся стол. Огляделся с ненавистью и болью. Напротив его стола висела картина — единственное яркое пятно на серо-коричневой стене.

На картине была изображена гостиная в марокканском доме, где семья — муж, жена и двое детишек — обедала. Ещё пять лет назад он так же сидел у главе стола и лениво покрикивал на балующихся детей, пока жена накрывала на стол. Он подробно разглядывал своё прошлое, боясь заглянуть только в глаза изображённых на картине людей, интуитивно опасаясь их презрения. Сквозь гул в голове он услышал женский возглас, донёсшийся от входа в кафе:

— Настя!

Обернувшись, Анис увидел у входа молодую пару. Женщина в белом коротком платье быстрым

движением придерживала маленькую девочку с рыжеватыми кудрями, чуть не упавшую с плеч мужчины. Мужчина, молодой брюнет в чёрных шортах и фирменной футболке клуба «Лион», видимо, запнулся за порог.

«Русские», — подумал Анис. Он немного знал их язык. В криминальных кругах Парижа они всегда удивляли его хмуростью, но уж если смеялись, то оглушительно громко. Эта тройка была другой — она светилась изнутри.

Они, возбуждённые происшествием, прошли через всё кафе, сели за столик под картиной и на смешном английском заказали рыбный суп.

Анис не понимал, как может им быть так хорошо, когда ему так плохо. Он смотрел, как они играют с девочкой, заигрывают друг с другом, но когда мужчина поцеловал женщину в шею, Анис смутился и перевёл взгляд на картину. Он встретился взглядом с улыбающимся мальчишкой — и картина ожила. Ребёнок, смеясь, уплетал кус-кус.

Аниса пронзило чувство одиночества, пронзило так сильно, что ушло в позвоночник. Как будто игла хирурга вошла в него и обездвижила Аниса. Боль отступила — он впал в оцепенение и боялся очнуться, чтобы не испытать её снова. Он не слышал официанта, подошедшего принять заказ, и заметил его только тогда, когда ему на колени запрыгнула кошка.

— Кыш! — Анис отшвырнул её на пол.

Отскочив, она оглянулась и жалобно посмотрела на Аниса. Он подумал: «Меня отшвырнули так же».

Он заказал чашку чая, достал смартфон, чтобы чем-то занять руки и голову, начал быстро прогонять новостную ленту «Фейсбука». Вдруг он заметил на экране знакомое лицо: с фотографии улыбалась девушка, как две капли похожая на его жену в молодости, рядом с элегантным немцем. Они стояли возле огромного «мерседеса». Комментарий к фотографии гласил: «Он увезёт нас в рай». Кто он — джип или мужчина — было непонятно. Разглядывая джип, Анис вспомнил свой грузовик. Ему стало ясно, что делать дальше. Пружина разочарований, сжимавшаяся последние два года, моментально распрямилась. Он вдруг понял, что вся его жизнь была вызовом Аллаху, а все невезения — ответом ему. Что в глубине души он презирает тех мажоров, к которым его тянуло на протяжении всей сознательной жизни.

«Вечером, в праздник, на набережной будут все. И Этьен притащится. Лощёные подонки, вы заманиваете нас в свой европейский рай. А я покажу вам арабский ад!»

Он отшвырнул телефон, смахнул чашку на пол и вышел из кафе. План выстроился быстро. «И возвращать грузовик не надо», — проскочила мысль.

Он добрался до гостиницы, взял из сумки пистолет калибра 7,65, привезённый из Парижа.

Вспомнил, как обожал металлоискатели на железнодорожном вокзале: «Не зря», — и с этой мыслью он отправился к грузовику. На последние деньги шиканул и взял такси до парковки. Уже когда грузовик шёл полным ходом к Английской набережной, его остановил кордон полицейских. Анис не торопясь вылез из кабины, подошёл к двум офицерам:

— Везу мороженое на праздник. Оно тает. Очень жаркий день. Гости Ниццы останутся без сладкого.

Один из офицеров сказал другому, что машину необходимо досмотреть. Но второй махнул рукой — и Анис пропустили.

Вокруг уже было темно, по улицам двигались тысячи людей — словно десятки горных ручьёв вливались в бурлящий поток, где всё светилось, вспыхивало, кружилось, шумело, и было не разобрать — ад это или рай.

Анис медленно подъехал к полицейским ограждениям, отделяющим пешеходную зону, и выглянул из-за деревьев на набережную — там извивалась огромная сверкающая змея. Празднующие люди как будто перестали быть живыми, они как будто уже частично переварились этой змеей и превратились в оплывшие манекены, в тряпичные куклы. Пустота! Пустота гудела над яркими огнями. Эти огни светили, но светили они чёрным светом.

«Этьен!..» Анис включил магнитола на полную громкость. Вместе с ударившими басами он вдавил педаль газа до упора и, пробив невысокие ограждения, влетел на набережную. Первыми он отбросил нескольких стражей порядка. Кого-то из них переехал. Машина подскочила, Анис прикусил губу и почувствовал вкус крови. Чувство превосходства распрямило его. Теперь он специально начал вилить, чтобы зацепить людей, идущих сбоку. Колонки в кабине были мощными — крики практически не доносились до него. Через несколько секунд после того, как он переехал ограждения, картина на набережной преобразилась. Броуновское движение стало упорядоченным. Как будто прорвало в нескольких местах плотину, и вся вода устремилась туда. Люди разбегались, пытаясь заскочить в проулки, многие прыгали с мостовой на пляж. Анис видел множество лиц. Большинство людей, прежде чем уйти под машину, успевали обернуться. Они как будто что-то хотели сделать или сказать.

Некоторые сбитых грузовиком подбрасывало вверх, и они ударялись о кабину водителя. Анис видел их бесконечный ужас. Он искал глазами пиджак в крупную коричневую клетку. Больше всего ему хотелось заглянуть в глаза его владельца. — Этьен, ну где ты?

Машина неслась словно по полю с высокой травой, подминая под себя людей и оставляя лежать их уже смятыми, сломленными. Когда грузовик

пролетал мимо отеля «Негреско», Анис заметил знакомый жёлтый шарф на шее толстяка.

— Посмотрим, чем ты заплатишь теперь.

Итальянец держал смартфон в правой руке, подняв его выше бегущих мимо людей, и даже не смотрел на грузовик — он смотрел на экран, медленно спускаясь с крыльца отеля и снимая происходящее.

Анис резко крутанул руль в направлении мужчины, тот в свою очередь опустил в ужасе глаза, и их взгляды встретились.

— Ага, ты увидел меня!

Но в следующий момент Анис крутанул руль в обратном направлении и объехал француза. От воздушной волны тот отшатнулся, но вес позволил ему устоять. Уже проехав метров пятьдесят, Анис бросил взгляд в зеркало заднего вида и увидел, что француз идёт, переступая через людей и снимая их. Тела лежали, как скошенная трава.

— Снимай, снимай, итальяшка.

Грузовик неумолимо мчался по набережной. Кто-то из полицейских выпустил обойму по кабине, но от бронированной плёнки, наклеенной на лобовое стекло для защиты от камней на трассе, пули отскакивали.

— Слабаки! — разгорячился Анис и сильнее надавил на акселератор.

В эту секунду в боковое зеркало он увидел, как мотоциклист перепрыгнул со скутера на подножку грузовика и пытается открыть дверцу. Анис повернул руль рефрижератора и, проскрежетав юзом по фонарному столбу, сбросил хвостца на мостовую. Выжить после такого падения было невозможно.

Анис перевёл взгляд с бокового стекла на лобовое и увидел пару, стоящую прямо по пути следования автомобиля, — мужчину, пытающегося достать младенца из коляски, и девушку, остолбеневшую от ужаса. Фары грузовика уже ярко осветили их. На мужчине блестела знакомая футболка клуба «Лион». В последний момент мужчина подхватил ребёнка и рванул, словно спринтер, в сторону, ухватив за руку девушку. В следующую секунду они выскочили на газон.

— Везучие эти русские, — бросил Анис со злостью.

Уже пустая коляска взлетела в воздух и, очертив дугу, словно бейсбольный мяч, рухнула на траву.

Анис увидел, что врезается в группу арабских туристов, и первым, кого он сбил, был мальчишка — его подбросило и припечтало к лобовому стеклу. Искажённое от боли лицо оказалось прямо напротив лица водителя.

На Аниса смотрели глаза его сына. Анис выпустил руль из рук. Автомобиль выскочил на газон, сбив холодильник с мороженым, и врезаясь

в дерево. Через несколько секунд подоспели полицейские и высадили в кабину не меньше полусотни пуль. Когда открыли двери, изрешечённый Анис вывалился из них на кем-то брошенный французский триколор, залив его кровью...

Утро пришло равнодушно и неспешно. Набережная, открывшаяся рассвету, была то тут, то там обагрена кровью, будто бы по ней, мечась между домами и деревьями, уходило от охотника гигантское раненое животное. Небо было предательски чистым, и краски буквально горели на солнце.

Зной быстро затопил набережную. Он накрыл искорёженную коляску, лежащую на газоне рядом с самым пафосным отелем Франции. Его тяжёлое дыхание почувствовала маленькая Анастасия, разбросавшая рыжие локоны в утреннем сне на лоджии недорогой съёмной квартиры. Обжёг он и Этьена, лежащего у открытого окна в госпитале,— тот не смог попасть вчера на праздник, у него открылась язва желудка. Пот лил рекой по лицу толстяка, сидящего на балконе отеля «Негреско», но тот ничего не замечал— он замороженно смотрел на экран смартфона, где щёлкал счётчик лайков, отсчитывая живых.